

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. И. Богданова (Москва, Россия)

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ

Согласно концепции Питирима Сорокина [1], всякая великая культура это не просто конгломерат различных явлений, а совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, а также совокупность самих носителей этих ценностей и норм, т.е. людей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Именно ценность служит основой и фундаментом единой культуры. В свою очередь, культура в ряде философских работ рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт людей. Коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют генетические коды – ДНК. В обществе, представляющем собой социальный организм, аналогом генетических кодов выступает культура.

Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле рассматривается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [2, с. 3].

Выявлению различий, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов, способствует межкультурное общение. Язык способен аккумулировать опыт и передавать культурные ценности от одного поколения к другому, что находит отражение в языковой картине мира – зафиксированной в языке и специфичной для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности, в которой выражаемые значения складываются в единую систему взглядов – коллективную философию [3, с. 39].

Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций. Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [Там же, с. 351]. Так, например, слова типа *доносчик*, *ябеда*, *фискал*, *стукач* не только сообщают о том, что реально делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых культурах стран Западной Европы передавать информацию о каких-либо нарушениях в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно.

Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслуши-*

вать, подсматривать, любопытствовать); «нехорошо унижать достоинство других людей» (помыкать, насмехаться, глумиться); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (унижаться, пресмыкаться, угодничать) [3, с. 351]. Исходя из этих правил, можем декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (внутренний мир, человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Предстоит выяснить ранжирование ценностей в разных культурах, степень их внутренней значимости, содержание в них специфического национально-культурного компонента, что особенно ярко проявляются при контакте культур. При этом представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Рассмотрим несколько примеров.

Отрицательно оцениваются (в частности японцами) герои некоторых русских сказок, например, Иванушка-дурачок, Емеля и другие персонажи, воспринимаемые русскими как положительные. Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же героев представители разных культур выделяют различные доминантные черты.

Русские ценности *терпение, смирение, кротость, скромность* и др. нередко остаются вне поля зрения представителей западного типа ментальности, однако в славянском мире эти качества являются положительными (ср. восприятие фильма «Морозко» в разных странах).

В рамках русской культуры *русская прямота* (в отличие от прямолинейности) и *откровенность* ценятся очень высоко. В толковых словарях *прямой* толкуется как 'правдивый, откровенный, нелицемерный'. Однако с позиций иной культуры эти качества далеко не всегда привлекательны. Так, напр., английский журналист был удивлен прямыми и честными ответами российского нападающего: «Этот Аршавин – неисправимый русский!» («Советский спорт», 2009, 20. 05).

Такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество: ср. *удаль молодецкая; мал, да удал* (поговорка). Однако, как отмечал Н. С. Трубецкой, «удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни славянам». Целый ряд качеств и черт, которые русский народ в себе особенно ценит, «не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике», что дает основание Н. С. Трубецкому сделать следующий вывод: «наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» [4, с. 102].

В русской картине мира *красота* как ценность предстает менее значимой, чем счастье, ум, хороший характер (ср. *Не родись красивой, а родись счастливой; С лица воду не пить* и др.). Как показали специальные исследования, в китайской картине мира также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике, поскольку *mei* ‘красота’ и *hao* ‘добродетель’ синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане. В представлении китайцев, для которых в определенной степени свойственно соединение интеллектуального и эмоционального начал, человек, с одной стороны, не может оставаться только наблюдателем, поклонником или обладателем эстетической ценности – совершенной красоты. Красота становится частью добродетели. С другой стороны, эстетическое наслаждение не может быть только для души. «Оно непременно вызывает утилитарную, гедонистическую или эмотивную оценку – эстет и аскет редко уживаются в одном человеке» [5, с. 187–188]. Именно поэтому в буквальном переводе *красивым* может быть имя, если оно доброе, намерения, если они хорошие, но *красивой* может оказаться и пища, если она вкусная, и работа, если она выгодная. В русской картине мира красота лишена утилитарности, но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т.е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

Итак, национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте культур. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [6, с. 37]. Сложность и противоречивость культурно-ценностного универсума не отменяет глубокого изучения феномена культурных ценностей в межкультурном аспекте и его реализации в практике преподавания языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
2. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.
3. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избр. труды: в 2 т. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.
4. Трубецкой, Н. С. Верхи и низы русской культуры: Этническая основа русской культуры / Н. С. Трубецкой // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. – София : Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. – С. 86 – 103.
5. Аошуан, Т. Китайская картина мира. Язык. Культура. Ментальность / Т. Аошуан. – М. : Языки слав. культур, 2004. – 232 с.
6. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко. – СПб : А-сэд, 1994. – 408 с.